

УИЛЬЯМ

ГОЛДИНГ

ВОРИШКА МАРТИН

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Уильям Голдинг Воришка Мартин

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22148442

Воришка Мартин: Издательство АСТ; М.; 2016

ISBN 978-5-17-100289-3

Аннотация

Лейтенант потерпевшего крушение торпедоносца по имени Кристофер Мартин прилагает титанические усилия, чтобы взобраться на неприступный утес и затем выжить на голом клочке суши. В его сознании всплывают сцены из разных периодов жизни, жалкой, подленькой, – жизни, которой больше подошло бы слово «выживание».

Голдинг говорил, что его роман – притча о человеке, который лишился сначала всего, к чему так стремился, а потом «актом свободной воли принял вызов своего Бога» и вступил с ним в соперничество. «Таков обычный человек: мучимый и мучающий других, ведущий в одиночку мужественную битву против Бога».

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

1	5
2	22
3	38
4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Уильям Голдинг

Воришка Мартин

© William Golding, 1956

© Перевод. А. Круглов, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

1

Он отбивался руками и ногами, сжавшись внутри извивающегося тела. Не было ни верха, ни низа, ни воздуха, ни света. Рот раскрылся в беззвучном крике:

– Помо...

Из глотки вырвался воздух, на его место хлынула вода, обжигающая, режущая, как обломки гранита. Тело устремилось вслед за воздухом, встретив лишь удушливую бурлящую тьму. Мозг затопила паника, в разинутый до боли рот безжалостно вторгалась соленая стихия, с силой прорываясь внутрь. Вместе с водой проникло и немного воздуха – новый рывок... но волна подхватила тело и завертела, не дав угадать направление. В ушах стоял рев турбин, перед глазами, как трассирующие пули, мелькали зеленые искры, в голове стучали тяжелые поршни, заставляя весь мир содрогаться. Леденящая маска внезапно облепила лицо, челюсти жадно задвигались – воздух! Перемешанный с водой, он наполнял тело, царапая легкие, как острый гравий. Мышцы, нервы, измученные легкие и поршневая машина в голове на миг заработали по-старому. Твердый соленый комок выплеснулся из глотки, губы сомкнулись и разомкнулись, язык шевельнулся во рту. В мозгу вспыхнула ослепительная неоновая полоса.

– Спа...

Затаившись в центре всей этой суеты, отделенный от соб-

ственного тела, человек не обращал внимания на мельтешение зеленых вспышек. Будь он в состоянии управлять лицом... нет, будь на свете лицо, способное отразить ощущения человека, подвешенного между жизнью и смертью, оно ощерилось бы в злобном оскале, в то время как настоящий рот, далекий и широко разинутый в судороге, был заполнен водой. Неоновый трассирующий след вращался, расплываясь в широкий диск. Тело судорожно изрыгало воду и захлебывалось ею вновь, но жесткие комки уже не причиняли боли – ощерившееся живое существо смотрело со стороны. Лица не было, был оскал.

Мелькающие пятна слились в картинку. Он вгляделся. Такого ему не приходилось видеть уже много лет, и оскал слегка смягчился, тронутый любопытством. Стол, на нем банка из-под джема, ярко освещенная – то ли огромная, в центре сцены, то ли маленькая, перед самыми глазами. Изолированный мирок, которым тем не менее можно управлять со стороны. Прозрачная вода почти до краев, и в ней крошечная стеклянная фигурка, стоящая вертикально. Вместо крышки натянута тонкая пленка из белой резины. Он с интересом рассматривал банку, далекое тело перестало метаться и успокоилось.

Самым любопытным было тонкое равновесие сил, под действием которых находилась подвешенная фигурка. Тронь пальцем пленку, и сжавшийся воздух сильнее надавит на воду. Столбик воды чуть подымет в тонкой трубочке, тор-

чащей из стеклянного тела, и игрушечный человечек станет тяжелее. Он полностью в твоей власти, под твоим пальцем. Скажешь тихонько: «Тони!» – и он опустится ниже, ниже, до самого дна. Можно пожалеть его, ослабить давление, дать побарахтаться на поверхности, глотнуть воздуха, а затем снова утопить – медленно, беспощадно, навсегда.

По существу, плавающая фигурка ничем не отличалась от тела, барахтавшегося в воде. Вверх или вниз – то же самое опасное равновесие. Оскал без лица не произносил слов, осознание пришло в виде яркой вспышки.

Спасательный пояс!

Резиновый мешок опоясывал тело под мышками, тесемки обвивали плечи и застегивались на груди под бушлатом и клеенчатым плащом – теперь их давление даже чувствовалось. Пояс, как и предписывалось, был почти полностью сдут, чтобы не лопнуть при ударе о воду.

«Отплыть подальше от корабля, потом надуть пояс».

Вслед за осознанием хлынул поток образов: лакированная доска с вывешенными инструкциями, вид спасательного пояса с трубкой и металлическим наконечником. Внезапно человек понял, кто он и где находится. Тело болталось в воде, подвешенное наподобие стеклянной фигурки. Безвольно обмякшее, оно уже не барахталось. Через голову одна за другой перекатывались волны.

Рот захлестнуло водой, дыхание прервалось. Зеленые вспышки вновь прочертили тьму. Что-то тянуло вниз. Оскал

вернулся, а с ним картинка: тяжелые морские сапоги. Ноги заерзали, пытаясь освободиться, но безуспешно. Оставались еще руки, далекие, но пригодные для дела. Он закрыл рот и, скорчившись в воде, занялся опасной акробатикой. Снова замелькали неоновые трассы, глухо колотилось сердце – единственная точка опоры в бесформенном хаосе. Он подтянул ногу кверху, из последних сил дернул непослушными руками сапог, стряхнул его. Резиновое голенище скользнуло по ступне, тяжесть исчезла. Теперь другой. Наконец тело распрямилось и снова повисло, расслабленно качаясь на волнах.

Рот размеренно открывался и закрывался, глотая воздух и не пропуская воду. Тело тоже работало исправно, время от времени сжимая желудок в тугой узел и выталкивая наружу по языку поток морской воды. Животная паника прошла, но появился страх перед смертью, долгой и одинокой. Оскал теперь обрел лицо и воздух для тела, самим своим присутствием не позволяя тратить драгоценное дыхание на звуки. Была и некая цель, но пока не хватало ни времени, ни опыта, чтобы осознать ее важность и неколебимость.

Обычная схема дыхания не работала, вдыхать приходилось в промежутках между погружениями. Думать удавалось тоже урывками, одновременно с порциями воздуха. Опять вспомнились руки, которые оказались где-то далеко, в темноте. Подтянувшись ближе, они стали шарить по жесткой поверхности плаща. Одолевая боль, негнущиеся пальцы рас-

стегнули пуговицу и скинули петлю с деревянной застёжки. Океан безразлично покачивал тело, словно стеклянного человечка или подтопленное бревно. Волна, глоток воздуха. Еще волна, еще глоток.

Руки вытянули трубку, ощущая дряблую сдутую резину, почти не державшую тело на плаву. Зубы сжали наконечник, два пальца принялись его откручивать, остальные зажимали трубку. Крошечная порция воздуха, отвоеванная у волн, досталась не изголодавшимся легким, а резиновому мешку. Еще, и еще... Сердце трепыхалось в груди, как подстреленное, зеленые пунктиры мелькали и вращались. Пояс становился тверже, но так медленно, что момент спасительной перемены оказалось невозможно уловить. Волны уже перекатывались через плечи, регулярные погружения с головой сменились брызгами и мокрыми шлепками в лицо, воздух больше не приходилось добывать с боем. Наконец пояс надулся, охватив грудь плотным кольцом и растягивая одежду. Однако человек еще некоторое время играл с воздухом, выпуская немного наружу и снова вдывая в трубку, словно боялся прекратить единственное доступное пока спасительное действие. Голова и плечи теперь надолго высывались из воды и мерзли сильнее, чем все остальное тело. Закоченевшее на ветру тело охватила дрожь.

Рот оторвался от трубки.

– Эй! На помощь!

Воздух с шипением вырвался из металлического нако-

нечника, пришлось немало потрудиться, чтобы завинтить его. Тьма стояла непроницаемой завесой, не давая разглядеть даже руку, поднесенную к лицу. Страх смерти в одиночестве дополнился ужасом перед слепотой. Тело забарахталось, неловко загребая руками.

– Помогите! Эй, кто-нибудь! На помощь!

Вокруг – лишь шорох и плеск набегавших волн. Тело обмякло, голова бессильно свесилась, соленая вода омывала дрожащие губы.

Важно сохранять движение.

Он принялся слабо перебирать ногами, еле слышно бормоча:

– И зачем только я скинул сапоги, стало ничуть не лучше... – Голова снова упала на грудь. – Холодно... Только бы не переохладиться. Будь на мне сапоги, я бы их снял, потом надел, потом опять снял...

Перед глазами возник корабль, опускающийся ко дну, до которого здесь, наверное, не меньше мили. Тело судорожно сжалось, будто сдавленное невероятной толщиной воды. Зубы сомкнулись с дробным стуком, лицо болезненно скривилось. Ноги инстинктивно подобрались, спасаясь от зыбкой вязкой бездны.

– Помогите!

Руки задвигались, разворачивая тело, но насколько это удалось, судить было трудно. Всюду темнота, сплошная, непроглядная. Ни тонущего судна, ни обломков, ни других

уцелевших – одна лишь черная стена, подступившая вплотную к глазам, и в ней ровный плеск воды.

– Нат! Натаниэль! Бога ради! Есть тут кто живой?

Голос замер, судорожная гримаса разгладилась.

Тело безвольно обвисло на спасательном поясе, отдавшись во власть набегавших волн. Зубы вновь застучали, дрожь накатывала приступами. Ноги едва чувствовали холод, безжалостно зажатые в тиски водой, которая стремилась раздавить, расплющить их. Ноющие руки не находили себе места. Внезапная боль пронзила затылок, не давая поднять голову. Нос со всхлипом втянул воду, она хлынула в глотку, вызвав новый приступ рвоты. Кулаки, втиснутые между спасательным поясом и подбородком, принесли облегчение, но ненадолго. Руки ушли вниз, лицо снова погрузилось в воду. Превозмогая боль, человек с усилием запрокинул голову, уставив закрытые глаза в невидимое небо. Ноги уже не так сдавливало – окаменевшая плоть, казалось, потеряла всякую чувствительность, однако те части тела, которые море еще не полностью подчинило, продолжали судорожно трястись. Вечность срослась с болью и подступила совсем близко, осязаемо. Оскал оставался на месте, мысли продолжали приходить, бессвязные, неповоротливые, но жизненно важные.

Скоро наступит рассвет.

Двигаться, иначе не заметят.

Скоро рассвет, станет видно обломки.

Я не умру.

Я не могу умереть.

Только не я... не может быть...

Он отчаянно рванулся вверх, задыхаясь и отплеываясь.

– Помогите! Эй, кто-нибудь, на помощь!

Тело приподнялось на волне и плавно опустилось.

Окажись я внизу, добрался бы до шлюпки или плота. Не повезло, проклятая вахта... смыло к чертям, прямо с мостика. Рулевой должен был взять вправо, если услышал приказ. Корабль затонул или перевернулся, теперь все барахтаются где-то там, в темноте, подбадривают друг друга, головы торчат из воды среди остатков кораблекрушения и пятен мазута. Когда рассветет, я найду их, найду, черт побери, иначе всех подберут, а я останусь болтаться вверх-вниз, как дурацкая подвесная койка... Проклятие!

– Эй! На помощь! Натаниэль!

Все было сделано правильно. Отдай я команду десятью секундами раньше, ходил бы в героях... Право руля, мать вашу!

Влепили под самый мостик... Я отдал верный приказ – и полетел за борт, вот невезуха!

Оскал напрягся, заворочал одеревеневшим лицом, верхняя губа приподнялась, обнажив стучащие зубы. Однако вспыхнувший гнев вернул малую толику тепла, кровь прилиwała к щекам, ожившие веки раскрылись.

Тело снова забарахталось, расплескивая воду, взгляд устремился вверх. В непроглядной темноте что-то измени-

лось, появились какие-то пятна и разводы, они стояли прямо перед глазами, давили, как сама тьма. Скорчившись внутри черепа, он стал вглядываться из-под надбровных дуг, возвращая власть над зрением и неясно угадывая очертания островков мутного света и тумана. Глаза моргали и щурились, но расплывчатые формы оставались снаружи. Наклонив голову, удалось различить движущиеся гребешки волн. Их изрезанная линия, едва заметная, как остаточное изображение на сетчатке глаза, на миг показалась на фоне неба, но тут же исчезла за черным брюхом следующей волны, подхватившей тело. Светлые пятна рук тускло мерцали, отталкиваясь от воды, ноги стряхивали свинцовое оцепенение. В голове вновь замелькали мысли.

Мы шли на северо-восток. Я отдал команду. Если корабль начал разворот, он должен быть где-то к востоку. Ветер дул с запада, значит, восток там, куда катятся валы.

Барахтанье тела стало яростнее, дыхание участилось. Подвешенный на спасательном поясе, он поплыл неуклюжим брассом, затем остановился, качаясь на волнах. Стиснув зубы, отвинтил колпачок и выпустил часть воздуха, чтобы погрузиться глубже, и вновь поплыл, с трудом переводя дыхание и до боли вглядываясь в спины убежавших к востоку валов. Постепенно движения замедлились, руки бессильно упали, но сознание, затаившееся в темной глубине черепа, продолжало отдавать команды еще долго после того, как тело неподвижно обвисло в воде.

Небо приобретало более четкие очертания, сумрачно-серые тона разбавляли тьму, на поверхности моря обозначились отдельные бугры и впадины. Мозг все еще пытался заставить конечности двигаться, но его наводнили картинки: они мешали, заслоняли собой неотступную необходимость плыть на восток. Перед глазами снова возникла стеклянная банка, но теперь она ничего не значила. Отражение чьей-то белозубой улыбки в полированной крышке стола, короткий обмен фразами. Вереница масок, вывешенных на просушку...

Спокойный голос из-за зубов, отраженных гладкой поверхностью: «Какая, вы думаете, подойдет Кристоферу?»

Крышка нактоуза с тусклой подсветкой компаса и крик, повисший между небом и землей в неоновых вспышках: «Право руля, мать вашу!»

Вода плеснула в рот, толчком пробудив сознание. Из глотки вырвался болезненный хрип. Серо-зеленый рассвет неумолимо надвигался. Над гигантскими валами, такими теперь привычными, поднимался пар. С высоты гребня в мутной дымке были видны еще две таких же громадных волны, а дальше – лишь круговая завеса то ли тумана, то ли морозящего дождя. Руки вновь работали, голова поворачивалась вслед за телом, глаза всматривались, пытаюсь определить направление волн. Последний источник тепла, упрямый глубоко внутри, захлебывался и угасал, как едва тлеющий огонек костра среди сырых дров.

Не хочу умирать! Нет!

Из плотного тумана появлялась волна, нависала над головой, поднимая тело ввысь, потом опускала, уходила прочь, и с высоты следующего вала было видно, как она тает в серо-зеленой мороси. Подъем, спуск – и новый гребень злое ще вздымался над головой.

Бледные ладони молотили по воде, рот сыпал проклятиями, но звуки терялись в мерном шорохе бегущих валов. Тело висело в спасательном круге, холод обшаривал его ледяными пальцами. Голова упала на грудь, лицо вялым нескончаемым потоком омывала соленая вода.

Думай, это последняя возможность. Думай, что делать.

Середина Атлантики, до ближайшей земли сотни миль. Одинокий корабль послали к северо-востоку от конвоя – подать сигнал, нарушить радиомолчание. Немецкая подлодка, должно быть, рыщет неподалеку от затонувшего судна, чтобы допросить уцелевших, или поджидает возможных спасателей. Вот-вот из воды покажется ее тяжелый корпус, словно скала, обнажившаяся с отливом. Перископ рассечет воду – глаз земной твари, сумевшей нарушить вечный ритм катящихся волн. Может, как раз в эту минуту ее акуля тень скользит там внизу, под одеревеневшими ногами, или покоится на ложе из соленой воды, пока команда отдыхает. А уцелевшие – на плоту, вельботе, шлюпке или просто на бревне, – наверное, они совсем рядом, скрытые туманом и соседним гребнем... с запасом тушенки, а может, и глоточком че-

го-нибудь покрепче.

Он снова стал поворачиваться в воде, подслеповато щурясь в липком тумане. Небо висело над головой, как низкий потолок. Вокруг ничего – ни обломков, ни человеческих голов. Корабль исчез бесследно, казалось, чья-то рука дотянулась до него и уволокла на милю вниз, на самое дно. На целую милю... Тело вновь отчаянно забарахталось, лицо исказила гримаса.

– Помогите! Эй, вы! Гады, сволочи, мать вашу... Эй!

Тело сотрясалось в рыданиях, холод стискивал его, как та рука, что уволокла корабль. Рыдания утихли, сменившись икотой. Голова снова завертелась в серо-зеленой дымке, шаря глазами по сторонам.

Одна сторона круговой завесы была светлее, – и туда катились валы, исчезая чуть левее источника света. Слой тумана, залитый сиянием, был так же непроницаем, как и хмарь за спиной, но притягивал к себе, разрывая мертвую однородность пространства, и к тому же казался чуточку теплее. Руки задвигались, инстинктивно стремясь приблизить тело к источнику света, ставшему путеводным знаком. Освещенная дымка морского тумана казалась твердой, как стена. Свет пронизывал бегущие гребни волн, делая их зелеными и прозрачными, как бутылочное стекло, но внутри не было ничего: ни водорослей, ни песка, ни плавающих предметов – одна лишь вода, холодная, зеленая, бессмысленная вода. Ну и, конечно, две руки, два черных рукава плаща, да еще хрип-

лые вдохи и выдохи, которые смешивались с шумом бессмысленной стихии. Волны шептались, догоняя друг друга, со звонким журчанием прокатывались возле уха, словно миниатюрный прибор на песчаном пляже. Шипение, внезапные всплески, рокот, обрывки непонятных слов, мягкий шорох ветра...

На светлой стороне круга руки приобрели важность, но ухватиться здесь было не за что – вниз, в бесконечность, уходила вязкая, холодная пропасть. Одеревеневшие колени прижались к животу, словно это могло спасти их от власти страшной бездны. Взрыв над пучиной на гребне очередного вала, тело распрямилось, спина выгнулась, рот глотнул воздуха, широко раскрылся, готовясь что-то выкрикнуть навстречу свету... и застыл. Челюсти сомкнулись, зубы щелкнули, а руки принялись лихорадочно месить воду, прокладывая путь вперед.

– Эй, кто-нибудь! Человек за бортом! Во имя милосердия! Справа по курсу!

Он попытался плыть быстрее, неловко выбрасывая руки и отворачиваясь от волн, перехлестывавших через голову. Рывком высунулся по грудь.

– Человек за бортом! На помощь!

Морская пучина тянула вниз, он отчаянно боролся, фыркающая и отряхивая воду. Огонь внутри вспыхнул ярче, сердце усердно разгоняло по всему телу застоявшуюся кровь.

Там, слева от пятна, корабль! Он движется навстречу, по-

вернувшись правым бортом... или – от этой мысли изо рта брызнула яростная пена, – уходит прочь, показывая корму. Впрочем, даже в неистовстве погони легко понять, что последнее невозможно, ведь тогда они должны были только что разминуться. Значит, судно идет навстречу, и рано или поздно его нос прорежет завесу тумана в нескольких ярдах впереди.

А может, корабль не движется?

Обессиленные руки опустились, тело расслабилось и закачалось на волнах. Далекий силуэт казался всего лишь сгустком тумана, не позволяя определить ни размеров, ни расстояния, однако был виден даже из провала между океанскими валами. Тело вновь забарахталось, медленно продвигаясь вперед и взмывая на гребнях волн, что мерно набегали одна за другой.

– Помогите! Эй, на борту!

Что это за судно, так странно скособоченное? Авианосец, старый, брошенный, готовый вот-вот затонуть? Такой давно бы уже пустили на дно торпедным залпом. Океанский лайнер? Тогда, наверное, из самых больших... но почему он так накренился? Солнечные лучи лишь освещали завесу тумана, не в силах пронизать ее, и в плотной сияющей дымке маячило что-то, не похожее на корабль, хотя ничего, кроме корабля, там быть не могло.

Тело отчаянно рванулось вперед, но первое яростное возбуждение выжгло весь запас топлива, и огонь внутри снова

едва тлел. Руки с усилием раздвигали воду, из темных сводов черепа взгляд жадно устремлялся к желанной цели, словно приближая ее. Силуэт впереди сдвигался, рос, но отчетливей не становился. Время от времени у подножия его мелькало что-то вроде волн, поднятых носом корабля... Взгляд постепенно угас, остались лишь упорно работающие руки и крики о помощи, которые отнимали последние остатки сил. Вокруг вздымалась зеленая стихия, готовая погасить тлеющий огонек, над головой клубился слепящий туман, глаза застилала багровая тьма. Тело бессильно обвисло. Темный силуэт высился впереди; сквозь хрип и тяжелые удары сердца слышался звук разбивающихся волн.

Голова с трудом поднялась, глаза напряглись.

На фоне неба торчала скала, над ней парила чайка. Волны у подножия вздымались и падали, выбрасывая вверх пенистые брызги, а затем исчезали, словно проглоченные невидимой пастью. Сознание представило мерно работающие руки, но они отказывались повиноваться. Очередная волна перехлестнула через голову и покатила к рифу, гребень ее был тупым, непривычно сглаженным. В воздух взметнулся фонтан пены. Глаза, погрузившиеся в воду, на этот раз разглядели в зеленой пустоте желтые и бурые пятна, а монотонный шорох океанских валов сменился глухим рокотом. В странном ревуем мире мелькали странные мохнатые тени, смутные причудливые очертания камней и водорослей. Бурая плеть хлестнула по щеке, и тут же страшный удар сотряс

все тело. Колени уперлись в твердь, руки жадно вцепились в столь неожиданно обретенную опору. Разинутый рот застыл в изумлении, глаза пристально разглядывали трех моллюсков – морские блюдечки, одно большое и два поменьше, – что прилепились к скале перед самым лицом. Твердь навредила ужас, означая конец привычного существования в изменчивой водной стихии. Совсем не похожая на трепещущую, живую плоть корабля, твердь источала безжалостность, рождая в душе панику. Здесь, на пути тысячемильного потока, бесцельно катящегося вдаль, внезапное появление непонятной опоры ввергало мир в войну.

Волна подхватила, оторвала от камней и раковин, перевернула и бросила назад, в темноту. Цепкие плети дернули за ноги, соскользнули и отпустили. В глазах снова вспыхнул свет, рот наполнился морской пеной. Мелькнула расколотая поверхность скалы, огороженная белоснежными фонтанами брызг, и зрелище неприступной тверди, внезапно выросшей посреди Атлантики, словно дикий зверь, выскочивший из кустов, исторгло из глотки вопль ужаса, который забрал весь воздух. Волна захлестнула с головой, погрузила в привычную зеленую тишину, затем подняла и поволокла в сторону. Бешеная пляска прекратилась, море больше не играло со своей добычей, сжимая ее мягко и бережно, как охотничья собака подстреленную птицу. Ноги зацепились за твердое, раз, другой. Осторожно опустив тело, вода отступила, щека уткнулась в камень. Море вернулось, ласково лизнуло в ли-

цо. Сознание побуждало двигаться, но руки не подчинялись. Волна снова приподняла тело, приняв на себя большую часть веса, и на этот раз нужные движения получились, позволив продвинуться чуть вперед. Новая волна, еще один слабый рывок. Море ткнулось носом в ноги и уютно примостилось под мышкой, не доставая больше до лица. Перед темными провалами черепа стояла какая-то картинка, она заполняла все поле зрения, но никакого смысла в ней не было.

Волна под рукой шевельнулась, устраиваясь поудобнее. Тело лежало неподвижно.

2

Картинка, белая с черным, но белого больше. Точнее, две картинки, наложенные друг на друга, для каждого глаза своя. Контуры еле заметно смещались, слышался слабый шум. Тело по-прежнему не двигалось, мыслей не было, но что-то твердое под щекой все настойчивее напоминало о себе: давило, жгло без тепла, пока, наконец, в одной точке не сконцентрировалась боль, настойчивая и ноющая, как гнилой зуб. Боль возвращала сознанию цельность, помогая прийти в себя.

Однако первым признаком жизни были не черно-белые пятна, не боль, а все-таки шум. Здесь море обращалось с телом бережно, вело себя тихо, но где-то там, вдалеке, продолжало реветь, метаться и рушиться, а ветер, получив более серьезного противника, чем послушная вода, всю свистел в скалах, порывами проникая в расщелины. Вся эта разногласица сливалась в единую речь, которая врывалась в глухую тьму под сводами черепа и убеждала, что голова реально существует где-то, в каком-то месте. Пронзительный крик чайки пробился сквозь рокот ветра и воды, возвестив бредущему на ощупь рассудку: где бы ты ни был, ты есть.

Осознание пришло внезапно: он в самом деле существовал – терзаемый болью, но в тесном единении с твердью, которая удерживала на себе распростертое тело. Вспомнив,

как пользоваться глазами, он совместил две оси зрения, так что обе картинки смешались, придав изображению объем. В щеку впечаталась прибрежная галька, обкатанный белый кварц, напоминавший формой мелкий картофель. Белизну оттеняли желтые пятна и темные вкрапления. Дальше белело что-то еще. Взгляд безучастно скользнул по обескровленным складкам ладони, посиневшим ногтям, сморщенным подушечкам пальцев. Линия руки под плащом, контур плеча. Повернувшись в неподвижной голове, глаза вновь обратились к гальке и принялись праздно разглядывать ее, словно ожидая от камней какого-то действия, не слишком, впрочем, интересного. Рука застыла, как мертвая.

Вода поднялась, тронула гальку, подождала и откатилась прочь под дробный перестук и шорох мелких камушков, омывая тело и шевеля босые ноги. Затем вернулась, и на этот раз, уходя, плеснула в раскрытый рот. Лицо не изменило выражения, но тело вдруг затряслось – все сразу, с ног до головы. Белая рука двигалась в такт, и потому казалось, что трясется галька. Твердые камни бередили щеку, причиняя ноющую боль.

В голове появлялись и пропадали новые картинки, но слишком мелкие и далекие, чтобы доставлять беспокойство. Женское тело, белоснежное и пышное. Фигура мальчика. Билетная касса. Корабельный мостик. Слова команды, выжженные неоновым светом на фоне неба. Высокий тощий мужчина, робко отступивший в темноту за верхней ступень-

кой трапа. Тело, подвешенное в воде, как стеклянный человек в банке из-под джема. Выбирать не приходилось – только картинка и галька. Очередной камушек заполнялся новым сюжетом, становился окошком или замочной скважиной, позволяя заглянуть в другой мир, в иное измерение. Слова обретали видимые четкие формы, подобно оглушительному приказу. Они не дрожали и не таяли, оставаясь твердыми, как галька – там, в смутной тьме под надбровными дугами, между обжигающей болью сдавленной щеки и туманными очертаниями носа, по внутреннюю сторону невидящего взгляда.

Холод стал другим – он медленно полз по спине, пробираясь между плотными слоями одежды. Воздух обжигал, как медленный огонь. Ощущение едва успело возникнуть, когда вернувшаяся вода наполнила рот, и приступ удушья перебил ритм сотрясавшей тело дрожи.

Подтянуть ногу поближе. Теперь другую. Рука, маячившая перед глазами, тоже сдвинулась. Где-то сзади еще одна... послать ей сигнал... Пальцы были на месте, но не слушались, их одеревеневшие кончики еле шевелили невидимую гальку. Руки и ноги, подчиняясь команде из центра и подстегиваемые холодной дрожью, начали совершать плавательные движения. Дыхание стало чаще, сердце заколотилось. Бессвязные картинки исчезли, остались лишь камни, их шорох и стук в груди. В мозгу мелькнула полезная мысль – она не имела практической ценности, но позволяла вновь

обрести частицу самого себя. Мысль удалось даже выразить в словах, хотя они прозвучали лишь по ту сторону зубов:

– Столько я весил бы на Юпитере.

В голове тут же прояснилось. Тело весит не больше, чем всегда, просто сил совсем не осталось. Здесь каменистый склон, надо на него заползти. Помятая щека отлепилась от гальки, колени уперлись в землю. Челюсти со скрипом сомкнулись. Двигаться и дышать – одновременно, чтобы грудь не цеплялась за камни...

Волны продолжали плескаться в ногах, но все дальше и дальше. Он полз медленно, то и дело останавливаясь, чтобы отдышаться и прийти в себя. Вода уже не доставала до ног.

Левая рука, та, что была не видна, коснулась чего-то твердого и неподатливого. Он с трудом перекатил голову и взглянул. Серовато-желтая стена, вся в выбоинах, покрытая комками красноватой слизи. В каждой ямке желтеют колпачки морских блюдечек, сверху нависают буро-зеленые плети водорослей.

Белое пятно галечного пляжа упиралось треугольником в сумрачную щель между сходящимися скалистыми стенами. Камень блестел от влаги, морская вода просачивалась сквозь бурые заросли и капала, собираясь в дрожащие лужицы.

Он стал разворачиваться, привалившись боком к скале и подтягивая ноги в толстых белых гетрах, далекие и неуклюжие, словно медвежьи лапы. Еще одна частица себя прежнего. Подсунув левую руку под щеку, он приподнял голову и,

отталкиваясь ногами, стал втискиваться спиной в сырой темный угол. Потом запрокинул голову и обеими руками подтянул к груди колени – сначала одно, потом другое. Оказавшись наконец в сидячем положении, взглянул на гальку по ту сторону коленей. Усталое тело сгорбилось, челюсть снова опустилась.

Собственно, гальки было не так уж и много. Сторона треугольной площадки, уместившейся в тени расщелины, не превышала человеческого роста. Обкатанные камушки лежали вплотную друг к другу, белые и твердые.

Взгляд с трудом оторвался от гальки и скользнул по воде, почти гладкой по сравнению с открытым морем. Впереди виднелась отколотая часть скалы, такая же серая, как стены рядом, скользкая от пены и ракушек. Волны натывались на препятствие и били по краям расщелины, оставляя в промежутке несколько ярдов спокойной зеленоватой воды. Дальше, за одиноким рифом, неслись дымящиеся контуры набегавших валов, озаренных бледным солнечным светом.

Усталые веки упали, во тьме тут же вновь замелькали бессвязные образы, но неповоротливый разум, пропуская их мимо, сосредоточился на единственной мысли. Крошечный огонек, чудом не задутый мощным дыханием Атлантики, теплился где-то глубоко внутри. Жалкая искорка, не более, но ее надо сберечь. Тело скорчилось, защищая и баюкая последний источник жизни. Фразы и образы продолжали возникать перед закрытыми веками.

Сверху донесся протяжный крик морской птицы. Сознание отвлеклось от искры, мерцавшей во тьме, глаза открылись. На сей раз удалось увидеть все целиком: стены темной расщелины справа и слева, светлую полосу между ними, радужные фонтаны брызг впереди и мощную поступь океанских волн в туманной дымке, пронизанной солнцем.

Он повернул голову и бросил взгляд на стену, уходящую в небо. Там, где кончались водоросли и ракушки, каменная поверхность была ровнее. Сверху в расщелину проникал дневной свет, в узком проеме угадывались контуры облака. Мелькнуло крыло чайки, снова донесся резкий крик. Смотреть вверх было больно, и он перевел взгляд на колени: два бугра, укрытые толстой тканью плаща. Пуговица... Рот закрылся, опять раскрылся, оттуда полились хриплые неразборчивые звуки, и потребовалось усилие, чтобы как-то их упорядочить.

– Знаю, знаю, тебя пришел Натаниэль, я сам его попросил. Сказал, это предлог, чтобы дать ему передохнуть.

Веки устало опустились, пальцы неловко ощупывали знакомый твердый кружок.

– Носил этот плащ еще матросом... До Натаниэля пуговицы пришивал Задира.

Голова склонилась на колени.

«Первая вахта! Первой вахте построиться!»

Череду картинок перебил сонный храп. Приступы дрожи стали слабее, но руки все равно соскользнули с коленей и

упали на гальку. Голова тряслась, ноги разъехались, камни больно давили на икры. Образы в сознании совсем перепутались, ощущение собственной личности стало теряться. Еще немного, и едва тлеющая искра окончательно угаснет... Пробившись сквозь мелькающий калейдоскоп, он приподнял веки и выглянул наружу.

Белые камушки перекатывались в набегавшей воде. Впереди виднелась скала-спасительница, вся в пене и фонтанах брызг – она принимала на себя удары океанских валов. Там стоял ясный полдень, а здесь, в мрачной каменной щели, отовсюду сочилась вода и стояла душная сырая вонь, как в портовом сортире.

Язык снова шевельнулся, изо рта вырвался хрип. В голове пронеслось: «Что за проклятое место?», но оскорблять непонятное убежище казалось рискованным, и гортань выдавила:

– Где я, черт побери?

Одинокая скала, вершина подводного хребта, единственный зуб в окаменевшей челюсти древнего затонувшего мира, пронзивший непостижимую толщу океана. Сколько отсюда миль до ближайшей суши? В душе вспыхнул страх – не судорожная паника первых минут за бортом, а глубокий мертвенный ужас. Онемевшие пальцы вцепились в скалу, тело рванулось, припав к стене, покрытой бурыми пучками морской травы и комками слизи.

Думай, кретин несчастный, думай!

Туманная водная ширь совсем рядом, волны набегают на

скалу, галька шуршит, колеблемая прибывающей водой.

Думай же!

Приступы дрожи сотрясали скорчившееся тело, глаза не отрывались от моря. Валы разбивались снаружи, но по эту сторону скалы укрощенная вода была безопасна. Он медленно опустился на гальку и снова втиснулся в угол расщелины. Искра еще теплилась, и сердце не давало ей угаснуть. Открытые глаза по-прежнему смотрели вперед, но уже ничего не видели. Слово ускользало. Как же он назывался? Островок на карте, крошечный одинокий риф посреди Северной Атлантики, вдали от всех берегов. Над ним еще шутили – когда оставалось время шутить. Карта возникла в сознании, но смутно. Штурман и капитан склонились над столом и ухмыляются, а он сам, тогда еще помощник штурмана, стоит в ожидании команды. Смех капитана, слова, произнесенные с четким дартмутским выговором: «Название почти в точку»¹.

Да, вот так, почти в точку, не важно, как именно. Корчиться в этой «почти точке», неизвестно где, в сотнях миль от Гебрид? Искра, мерцающая в щели нелепого заброшенного рифа... Лицо исказилось от ярости.

Лучше бы я остался там!

Обмякшее тело сползло на камни, голова без сил упала на грудь, снова раздался храп. Однако глубоко внутри созна-

¹ Имеется в виду остров Рокол (Rockall) примерно в 200 милях к западу от Гебридских островов, прозванный Fuckall, от англ. жарг. «fuck all» «совсем ничего». – *Примеч. пер.*

ние продолжало метаться посреди картинок, воспоминаний и вспыхивающих фраз, словно зверь за прутьями клетки. Отбрасывая назойливые подробности женских тел, не обращая внимания на боль и приступы дрожи, оно старательно подбирало обрывки слов в поисках нужной мысли. Нашло, отделив от бессмысленного мусора, подняло на поверхность и заставило тело придать ей осязаемость и четкость.

– У меня есть разум.

Темный провал, снова храп... наконец, далекая правая рука, подчинившись команде, зашарила по плащу, нашла карман, пролезла внутрь. Пальцы нащупали моток веревки, складной нож... Веки, затрепетав, приоткрылись – в рамке надбровных дуг вспыхнула зеленую поверхность моря. Глаза бессмысленно вытаращились, тело резко дернулось. Искра внутри вспыхнула ярким пламенем, тело сжалось и перекачилось на колени, рука вылетела из кармана и вцепилась в скользкую стену.

Новая волна перехлестнула скалу, в мощном потоке мелькали бурые плети водорослей. Зеленоватая гладь вскипела, разрывая полосу прибрежной пены, и с шипением швырнула к ногам пригоршню гальки. Пена схлынула, камушки застучали, как зубы. Волны шли одна за другой, поглощая с каждым разом больше гальки и отвоевая территорию пядь за пядью. Скала являла лишь слабое подобие защиты, почти не сдерживая неумолимого наступления дымящихся валов. Он вздрогнул и обернулся. Темная зловонная щель в камен-

ной стене с промокшими пучками водорослей, безмозглыми ракушками и слизью становилась сушей лишь дважды в сутки. Прочная и надежная с виду, каменная расщелина была ловушкой, столь же враждебной любой дышащей воздухом жизни, как океанская зыбь и морская вода в милю глубиной.

Крик чайки прозвучал эхом его собственного. Он прижался лбом к скале, пережидая, пока успокоится сердце. Ноги окатило пеной. От галечного пляжа уже почти ничего не осталось, а первые камни, которых коснулось выброшенное на берег тело, едва проглядывали желто-зелеными пятнами под целым футом бурлящей воды.

– Наверх!

Руки нащупали точки опоры: их оказалось немало, но распухшие пальцы с трудом цеплялись за мокрые выступы скалы. Он на несколько мгновений прислонился к стене, собираясь с силами, потом поднял правую ногу и вставил в глубокую выемку с выступающей кромкой, вроде пепельницы. Кромка была не очень острая и совсем не чувствовалась. Оторвав лоб от заросшей водорослями каменной поверхности, он подтянулся, выпрямляя ногу. Другая повисла в воздухе, качнулась, ударилась о стену, но и ее удалось пристроить на подходящий выступ. Тело прижалось к скале, раскинув руки, всего в нескольких дюймах над галькой. Глаза вглядывались в темную щель, пропитанную мерно сочащейся влагой, словно завидуя этой тайной умиротворенности. Время уходило капля за каплей. Поле зрения распадалось –

две картинки, дрожа, разъезжались в стороны.

Снова зашуршала галька: волна лизнула каменную стену. Он опустил голову и посмотрел вниз, поверх спасательного пояса, через распахнутые полы плаща, на мокрые обкатанные камушки в самом углу расщелины. Взгляд наткнулся на белые гетры – там ноги.

И зачем только я сапоги скинул...

Он осторожно шевельнул левой ступней и напряг колено, перенося на нее вес. Ноги вели себя странно: они ничего не чувствовали, пока не наступали на что-нибудь острое, и становились частью тела, лишь ощущая боль или попадая в поле зрения.

Волна дотянулась до расщелины, шлепком ударила в стену и окатила лицо. Он издал какой-то звук и только теперь понял, в каком плачевном состоянии находится плоть, доставшаяся ему во владение. Звуки клокотали в глотке и оставались там, открытый рот не помогал им выйти наружу. Отвисшая нижняя челюсть упиралась в жесткий воротник плаща. Бульканье усилилось, зубы, повинувшись команде, со щелчком сомкнулись, из окоченевших губ вырвались слова:

– Как мертвец...

Еще одна волна обдала лицо брызгами. Он с трудом взбирался по бугристой каменной поверхности, пока на скале не осталось ничего живого – ни блюдецек, ни мидий, одни крошечные ракушки и зеленые водоросли. Ветер напирал сзади, вдавливая тело в расщелину, море угрожающе бормотало.

Щель становилась все уже. Неожиданно голова оказалась в отверстии, которое едва позволяло протиснуться. Он уперся расставленными локтями и взглянул вверх. Дальше стены вновь расходились, образуя воронку, поверхность которой, хоть и неровная, не позволяла удержаться за счет одного трения. Каменный склон уходил вверх наподобие ската крыши, расстояние до вершины составляло примерно два человеческих роста. Глаза медленно задвигались, выискивая точки опоры для рук, и не нашли ни одной. Правда, на полпути к вершине виднелась впадина, но слишком мелкая. Онемевшие распухшие пальцы едва ли зацепились бы за сглаженный край.

Снизу донесся глухой удар. Мощная волна ударила в угол, разбилась и отхлынула. На мгновение смутно показались светлые очертания гальки и сразу исчезли в зеленоватом потоке. Между телом и скалой взметнулся фонтан брызг. Руки и ноги опять задвигались, тело с трудом протиснулось сквозь дыру, высунувшись до пояса, и привалилось к наклонной стене воронки. Ноги уперлись в те места, где прежде были локти. Колени медленно выпрямились, дыхание тяжело вырывалось из груди. Правая рука вытянулась вперед, пальцы сомкнулись на гладком краю углубления, ухватились покрепче. Нога оставила опору, колено поползло вверх... теперь другая нога...

Он повис на наклонной стене, удерживаемый одной рукой и трением. До вершины оставалось совсем немного, но сла-

бые пальцы дрогнули и разжались, и тело вновь сползло к отверстию, ведущему вниз, в расщелину. Камень перед глазами расплывался, вытянутые руки остались где-то наверху.

Внизу шумело море, отвоевывая шаг за шагом. Удары волн следовали один за другим. Прямо перед глазами о стены воронки разбивались тяжелые брызги и стекали вниз. Вода уже окатывала ноги. Голова приподнялась, оторвавшись от скалы. Оскал напрягся, борясь с онемевшими мышцами лица.

– Как блюдечко.

Тело прилепилось к каменной поверхности и застыло неподвижно. От гальки внизу остались лишь неясные контуры в коловращении морской пены. Потом и галька, и скала исчезли, а следующая волна окатила с головы до ног. Он стяхнул брызги с лица и вгляделся в отверстие воронки, словно мог увидеть что-то, кроме воды.

Блюдечко!

Он решительно спустил ноги в дыру, нащупал опору и стал протискиваться вниз, застывая и прижимаясь к скале при каждом ударе волн, а потом переводя дыхание и отплевываясь. Холода от воды больше не чувствовалось, но била она с каждым разом все сильнее, все упорнее тянула вниз. Сорвавшись, он пролетел последние несколько дюймов: волна подхватила его, грубо отбросила в угол расщелины, поволокла за собой. Увязая в рыхлой гальке и шатаясь, он поднялся на ноги по колено в воде и тут же упал на четверень-

ки, погребенный под зеленоватой массой, которая ударила в скалу, взметнув фонтаны брызг. Вода пыталась опрокинуть его, но руки держались крепко. Он достал складной нож и раскрыл его, потом наклонился – перед глазами расплылись очертания камней и водорослей, море шумело в ушах поющей нотой. Наконец он выпрямился; нож снова болтался у пояса, а в руках оказались два морских блюдечка. Волна снова сбила с ног и поволокла, перевернув вверх ногами. Он едва успел схватиться за скалу, выжидая и переводя дух. Еще толчок – теперь пришлось цепляться, чтобы лезть медленно, сохраняя контроль над телом. После каждой волны он изо всех сил прижимался к каменной стене, стараясь не двигаться, не дать унести себя в море. Атаки воды постепенно утрачивали свинцовую тяжесть, но становились все изощреннее и злее. Волны рвали одежду, били между ног, задирали полы плаща, сбивая их к поясу. Стоило взглянуть вниз, как волна наносила удар в лицо или живот, выталкивая тело вверх по тесной расщелине.

Протиснувшись в отверстие, он дождался, пока вода схлынет, и жадно вдохнул соленый, пропитанный влагой воздух. К носу прилипла прядь волос, раздваиваясь перед глазами. Очередная волна поднялась в дыру и обрушилась мощным водопадом, но тело осталось на месте, заклиненное в самой узкой части воронки. Преодолевая дрожь, он распластался на склоне и стал выпрямлять ноги. Лицо терлось о камень, потоки воды окатывали спину. Он вытащил из карма-

на блюдечко, прижал к скале, и, как только схлынула следующая волна, стукнул по раковине рукояткой ножа. Блюдечко слегка накренилось и плотно присосалось к новому месту. Человек и раковина вместе висели на скале, сопротивляясь напору воды.

Ноги напряглись, тело застыло неподвижно. Правая рука протянулась вверх и нащупала ту самую выбоину со сглаженными краями, за которую в прошлый раз не удалось удержаться. Затем рука опустилась, пошарила в кармане, залитом водой, и двинулась в обратный путь с зажатым в кулаке вторым блюдечком. Глаза бесстрастно смотрели в упор на каменную стену, вся жизнь, что еще теплилась в теле, сосредоточилась в медленно ползущей руке. Отыскав углубление, рука прижала раковину, тело вытянулось вперед на несколько дюймов и вновь застыло, пережидая волну. Вот рука снова опустилась, вернулась с ножом, слепо потыкала в скалу, нащупала онемевшими пальцами блюдечко, ударила по раковине рукояткой.

Задрав голову и вжимаясь в скалу под ударами волн, он внимательно смотрел на блюдечко. Нож выпал из руки, звякнул о камень и повис на поясе. Рука нашла колпачок резиновой трубки, открутила его. Воздух с шипением вышел, тело плотнее прижалось к скале. Голова склонилась набок, движение прекратилось. Дыхание оставляло на влажной каменной стене мутные разводы, то и дело смываемые очередным водопадом. Нож болтался внизу, со стуком ударяясь о скалу.

Голова шевельнулась, взгляд снова устремился вверх. Рука крепко сжала раковину морского блюдечка, правая нога дрогнула и поползла, ища опоры. Наконец колено наткнулось на первую раковину – ту, что была внизу. Рука разжала хватку, опустилась к ноге и подтянула ее. Оскал, притаившийся за безжизненным лицом, ощутил боль в колене – это означало, что оно держится. Зубы сжались, тело задвигалось, изогнулось. Рука вновь вцепилась в верхнее блюдечко. Левая нога двинулась к правой, оттолкнула ее в сторону, оперлась краем ступни на раковину и стала медленно выпрямляться. Еще одна волна накатила на скалу и обрушилась.

Тело лежало на крутом каменном склоне, опираясь одной ногой на раковину, но держалось в основном за счет трения. Блюдечко, в которое вцепилась рука, было прямо перед глазами. Другая рука шарила над головой, ища новую опору, тело отчаянно тянулось вверх. Выше, еще выше – и вот наконец пальцы нащупали острую кромку. Правая рука поползла следом, ухватилась. Он подтянулся, отталкиваясь обеими ногами. За кромкой скалы виднелся провал, проблески моря, нагромождения камней, покрытые чем-то белым. Он перевалился через край и рухнул ничком.

3

Он лежал в скалистой впадине, перед глазами поднималась выветренная стена, длинная полоса воды уходила вдаль. Тело пряталось где-то позади, в совсем другом месте, не имевшем ничего общего с этой картинкой, – ноги разбросаны по разным мирам, шея неестественно вывернута, скрюченная правая рука придавлена к земле. Костяшки пальцев больно, но терпимо впивались в бок – не стоило прикладывать титанические усилия и сдвигаться с места. Другая рука вытянулась вдоль впадины, наполовину под водой. Правый глаз почти касался воды, так что веко, моргнув, задело ее ресницей, ощутив сопротивление. К тому времени, как взгляд стал осмысленным, водяная пленка успокоилась, хотя щека и уголок рта, остававшиеся под водой, заставляли ее слегка вздрагивать. Левый глаз смотрел вдоль длинной лужи странного грязно-белого оттенка, слишком светлого для простого отражения пасмурного дневного неба. В углу рта неприятно покалывало. Время от времени на воде появлялись крапинки, от которых расходились едва заметные переплетающиеся круги. Блестящее водное зеркало ограничивалась сверху темной аркой глазницы, а снизу – бледно-розовой кожей носа.

В мозгу вяло зашевелились мысли.

Я упал в расщелину... Голова уперлась в стенку, шея свер-

нута набок. Ноги, должно быть, задрались кверху и свесились с противоположного края, оттого бедра и ноют. Сильнее всего болят пальцы на правой ноге. Я лежу на согнутой руке, и она давит на ребра. Пальцы совсем одеревенели... Белое под водой – это пальцы другой руки, которую почти не видно.

Сверху донесся пронзительный крик, послышалось хлопанье крыльев. Над стеной расщелины появилась чайка. Широко раскинув крылья и вытянув когтистые перепончатые лапы, она затормозила в воздухе над самой скалой и с сердитым клеткотом скользнула вбок, обдав холодным дуновением щеку. Белесая вода покрылась рябью, тревожа закрытый глаз, щеку и угол рта. Жжение усилилось.

Тупая боль в теле не вызывала желания шевельнуться, и даже жжение ощущалось лишь снаружи черепа. Левый глаз все так же вглядывался в белизну руки под водой. Память возвращала картинки, появились и новые: человек карабкался по скале, прилеплял к ней раковины.

Образы в голове тревожили сильнее, чем боль. Рука сжалась в кулак, рукав плаща заколыхался в воде. Дыхание участилось, по воде пошли волны, достигли края и вернулись назад.

Вода плеснула в открытый рот. Тело дернулось, забилося. Ноги, брыкнув, качнулись в сторону, голова чиркнула о скалу и повернулась. Расплескивая белую воду, руки уперлись в дно. По лицу стекала скользкая жижа, под правым веком

стрельнула острая боль. Болезненно оскалившись, он сплюнул, глядя на лужи с толстым слоем грязно-белого осадка и чайку, скользившую прочь над зелеными океанскими валами. Рванулся вперед, свалился в соседнюю впадину, выбрался из нее на кучу битого камня и двинулся вниз по склону, скользя и спотыкаясь, то и дело падая. Вокруг гладких приплюснутых валунов плескалась вода, кишевшая растительной жизнью. Ветер нетерпеливо подгонял, не давая выбрать безопасный путь. Стоило на миг задержаться, как новый толчок в спину нарушал шаткое равновесие тела и опрокидывал его на острые камни. Окружающее воспринималось не целиком, а отдельными пятнами, только самое важное – трещина, выступ, желтоватое пятно, неотвратимо надвигающееся, словно летящий кулак. Боль от ударов взрывалась яркими вспышками, но самой главной бедой была игла, засевшая в глазу, потому что она проникала внутрь, в темные глубины черепа, где скорчилось сознание. Тело жило и двигалось снаружи, а от иглы некуда было деться.

Пальцы вцепились в бурые спутанные плети, море омывало плечи и голову. Приподнявшись, он заполз на плоский камень с лужицей в середине, окунул лицо в воду и слегка поболтал рукой, чтобы промыть глаз. Затем руки разбрелись по сторонам и вернулись с комками морской тины. Он поднялся на колени и приложил липкую зеленую примочку к глазу и правой щеке. Откинулся на спину, не обращая внимания на слизь, острые края и раковины моллюсков, поло-

жил левую руку на колено и стал искоса разглядывать ее – скрюченные пальцы, бледная кожа с просвечивающей синевой, глубокие складки ладони. Игла не исчезала, вторгаясь под темные своды черепа. Стоило пошевелить глазом, как она впивалась еще глубже. Глаз открылся и тут же наполнился водой, сочившейся из комка тины.

Из груди вырвался хрип. Звуки выходили один за другим плотными сгустками, от которых содрогалось тело. Струйки соленой воды вытекали из обоих глаз, сливаясь со следами, оставленными морем и белой жижой. Руки и ноги тряслись.

Ниже по склону на скале виднелась еще одна лужица, поглубже. Он добрался до нее, снова нагнулся, окунул лицо и заморгал, пытаясь избавиться от иглы. Картинки из памяти отступили так далеко, что стали почти незаметными. Руки тоже нашли воду и погрузились в нее. Хриплые стоны сотрясали грудь.

Чайка вернулась, с ней другие. Резкие птичьи крики переплетались над головой, словно следы в воздухе. Море тоже издавало звуки: вода бурлила меж камней под самым ухом и тяжело бились мощные волны, перехлестывая скалистый барьер, заполняя трещины и расщелины. Не обращать внимания на боль... Мысль возникла и засела в самом средоточии тьмы, где таилось сознание. Глаза открылись, преодолевая страшную иглу, и уставились в безжизненно белые ладони.

– Спрятаться. Найти укрытие. Иначе смерть.

Он осторожно обернулся. Выступы скалы, так нещадно

обдиравшие его во время спуска, сливались теперь в картинку. Взгляд выхватывал целые куски, которые расплывались, как только игла впивалась в мозг и исторгала из глаз соленую влагу. Надо снова карабкаться наверх.

Ветер стих, но длинные струи дождя все так же висели над головой. Следующее препятствие было невелико, чуть выше человеческого роста, однако чтобы преодолеть его, пришлось тщательно обдумывать и согласовывать действия разных частей тела. На плоской верхушке утеса удалось прилечь и немного отдохнуть. Поднимавшийся склон расплывался водянистыми пятнами. Солнце стояло над вершиной скалы, освещая расщелины, заполненные белой жижой. Свет пробивался сквозь облака и завесу дождя. Над скалой кружили птицы. Тусклое солнце вышибло из глаз новые слезы, игла впилась еще сильнее. Он зажмурился и вскрикнул.

Ощупью проползая через ямы и расщелины, он изредка поглядывал одним глазом и выбирал путь там, где ничего не белело. Ноги приходилось перетаскивать через зазубренные края ям, словно чужие. Боль от иглы притупилась, но внезапно вернулись холод и смертельная усталость. Наконец, повалившись ничком в какую-то щель, он замер, предоставив тело самому себе. Озноб пробирался все глубже, под кожу, в самые кости. Сдайся, твердили холод и усталость, откажись от надежды вернуться. Оставь все как есть, не цепляйся за жизнь. В белых сгустках плоти нет ничего привлекательного, ничего интересного. Лица, слова – все это было в другой

жизни, и не с тобой. Здесь, на скале, час длится дольше целой жизни. Что тебе терять, кроме бесконечных мучений? Брось. Отступись.

Тело снова дернулось и поползло – не потому, что мышцы и нервы отказывались признать поражение. Голоса били, словно волны в борт корабля, но посреди всех картинок, ударов боли и голосов таилось нечто осязаемое и твердое, как стальной стержень. Оно было центром всего – настолько, что само не могло осознать себя, – и таилось во тьме черепа, в бездонной глубине, несокрушимое и самодостаточное, темнее и загадочнее, чем сама тьма.

– Укрытие. Найти.

Центр принялся за работу: отключил внимание от сверлящей иглы, осмотрелся, собрался с мыслями, принял решение, в какую сторону двигаться. Перебрал десятки путей и отверг их один за другим, прокладывая маршрут для ползущего тела. Открыл светящийся проем под сводами черепа и стал медленно поворачивать голову из стороны в сторону, подобно гусенице, что пытается перелезть с листа на лист. Тело уже приближалось к подходящему убежищу, а голова все ходила туда-сюда, опережая неповоротливые мысли.

Плита, отколовшаяся от стены, лежала косо, образуя треугольный проем. Воды там почти не набралось, и белой жижи заметно не было. Темная дыра уходила вниз и в сторону, повторяя ход расщелины, но выглядела даже суше, чем поверхность скалы. Голова прекратила движение, тело при-

жалось ко дну возле дыры, погрузившись в тень, и стало разворачиваться в узкой впадине, преодолевая сопротивление намокшей одежды. Дыхание тяжело вырывалось из груди. Когда наконец белые гетры оказались у отверстия, он просунул ноги внутрь и, лежа на животе, начал извиваться словно змея, которая никак не может сбросить с себя кожу. Вытаращенные глаза смотрели в никуда. Руки потянулись вниз, расправляя сбившийся плащ и проталкивая его в лаз. Жесткая прорезиненная ткань поддавалась с трудом, и тело двигалось понемногу, мелкими разрозненными движениями, подобно морскому раку, забирающемуся в нору. Тело плотно забилося в щель по самые плечи, спасательный пояс сместился кверху, до упора. Резиновая полоса мягко охватила грудь. Мысли лениво прибывали и убывали, глаза оставались пустыми, если не считать соленую влагу, которая продолжала капать из правого глаза, где засела игла. Рука отыскала трубку с затычкой. Он надул пояс – тот обрел упругость, – обхватил плечи руками: белая ладонь с каждой стороны. Уронив голову на жесткий рукав, он прикрыл глаза – не плотно, а слегка. Рот оставался открытым, челюсть отвисла в сторону. Изнутри дыры приступами поднималась дрожь, заставляя трястись руки и голову. Вода медленно сочилась из рукавов, стекала с волос по лицу, капала из носа. Мокрые складки сбившейся одежды плотно облегли шею. Глаза снова открылись – так было легче справляться с иглой, которая вонзалась в центр, где обитало сознание, только когда приходи-

лось моргать, стряхивая воду.

Чайки кружили над скалой, потом уселись на самой вершине и задрали головы, широко распахнув клювы. Серое небо темнело, поверхность моря затягивалась дымкой. Птицы переговаривались, расправляли крылья, складывали их и прятали голову, устраиваясь на ночлег, похожие на белую гальку, усеявшую скалистый пик. Серый сумрак густел, превращаясь во тьму, сквозь которую виднелись лишь птицы и пятна их помета, похожие на хлопья морской пены в серой воде. Тьма заполняла каменные расщелины. Здесь, возле укрытия, не было грязно-белой жижи, и разглядеть можно было лишь смутные силуэты валунов. Ледяной ветерок веял над скалой невидимым дыханием, издавая непрерывный, еле слышный свист. Издалека, с наружной стороны, где в море стояла скала-спасительница, доносились удары волн, бивших в расщелину. После каждого наступала долгая пауза, потом слышался шорох и плеск воды, стекавшей в воронку.

Человек лежал, скорчившись в тесной расщелине. Голова покоилась на черном клеенчатом рукаве, руки мерцали белыми пятнами по сторонам. Время от времени тело сотрясали приступы дрожи, и тогда жесткая ткань издавала слабый скребущий звук.

4

Расщелин было две. Первая – каменная пещера, замкнутая, лишенная тепла, но в то же время и холода, который несли море и ветер. Камень нес в себе отрицание. Пещера сжимала тело со всех сторон, унимая приступы дрожи, – не успокаивая, а лишь загоняя внутрь. Боль ощущалась, но далекая боль, похожая временами на обжигающее пламя, тупая в ступнях и чуть острее в коленях. Он наблюдал боль изнутри, из глубины внутренней пещеры – собственного тела. Под коленями мерцали огненные язычки, живо перебегая по скрещенным веточкам, словно в костре, который развели под умирающим верблюдом. Однако человек был не глуп и терпел огонь, дарующий не тепло, а боль. Терпеть приходилось, потому что попытка встать или хотя бы шевельнуться лишь подбрасывала хвороста и раздувала пламя, распространяя боль по всему телу. Он обитал в самом верхнем конце внутреннего убежища, сделанного из мяса и костей, вдали от языков пламени. Рядом покоилось туловище, оно опиралось на тугой резиновый валик спасательного пояса, который перекачивался взад-вперед при каждом вздохе. Над туловищем крепилась костяная сфера мироздания, где был подвешен он сам. Половина мироздания также горела и замерзала, но эта боль казалась ровнее и терпимее. Лишь в самом верху засела огромная игла, которая время от времени пре-

следовала свою жертву. Мировая сфера сотрясалась, сдвигая целые континенты, уколы следовали один за другим, и в верхнем полушарии все менялось: во тьме шевелились смутные серые тени, и мелькало пятно ослепительной звездной белизны, которое, кажется, было рукой. Другая сторона сферы утопала во тьме и не доставляла беспокойства. Он висел, колыхаясь, в самом центре, подобно всплывшему утопленнику, затвердив, как незыблемую аксиому бытия, что обязан довольствоваться даже самой малой из наименьших отпущенных ему милостей. Все телесные придатки с терзающим их медленным огнем, дыбами и пыточными клещами маячили где-то вдали. Найти бы только способ оставаться в полном бездействии, достичь хрупкого внутреннего равновесия, и можно всегда плавать внутри костяного шара, спокойно и не испытывая боли.

Иногда казалось, что такое состояние почти достигнуто. Он съеживался, а сфера стремительно раздвигалась, унося обожженные конечности в межпланетное пространство. Однако судорожные толчки не переставали приходить из глубин космоса, накатываясь волнами, и тогда он снова рос и проникал во все уголки темных глубин, задевая языки пламени обнаженными нервами, пока не заполнял всю сферу, неизменно натываясь на вечную иглу, которая прошивала правый глаз и входила прямо в голову. Сквозь ослепляющую боль смутно мелькало белое пятно руки, и он снова отдалялся, медленно съеживаясь в центре мироздания, и, как

прежде, плыл в непроглядной тьме. Этот незабываемый ритм возник на заре времен и утвердился на веки вечные.

Картинки из памяти, собственной или чужой, временами искажали этот ритм, не меняя его сути. В отличие от тусклых язычков пламени, они ярко светились. Гигантские волны, больше, чем мироздание, и среди них – стеклянная фигурка моряка. Горящие неоновые буквы приказа. Женщина – не бледное тело с назойливыми подробностями, как раньше, а настоящая, с лицом. Темный жесткий силуэт идущего в ночи корабля, плавный крен вздымающейся палубы, гул машин. Мостик под ногами, впереди тускло освещенный нактоуз. Нат, оставив наблюдательный пост у левого борта, спускается по трапу. Нескладный, долговязый, на ногах не сапоги или парусиновые туфли, а цивильные ботинки, ступает осторожно, баба бабой. Сколько месяцев прошло, а не научился ни одеваться правильно, ни ходить, как настоящий моряк. Наверху утренний холод пробирает его до костей, а на жилой палубе преследует грязная, грубая речь и вечные насмешки. Робкий, послушный, ни к чему не пригодный тип.

Он отвернулся от Ната и бросил взгляд за правый борт. На фоне предрассветного неба смутно вырисовывались суда конвоя. Стальные борта вздымались как грязные серые стены, исполосованные потеками ржавчины.

Нат все еще пробирался на корму, чтобы провести свои пять минут в одиночестве, общаясь с вечностью. Как всегда, пристроится возле правого бомбомета – не потому, что там

лучше, чем у планшира на наблюдательном посту, а просто привык. Там ветер, вонь от машин, вся пыль и грязь, какая только бывает на старом эсминце в военное время, но он терпит. Жизнь, как таковая, со всеми ее прикосновениями, обр-азами, запахами и звуками бесконечно далека от него. Так и будет терпеть, пока не привыкнет, пока не перестанет все это замечать. Морьяка из него никогда не выйдет, потому что все его неуклюжие конечности прилажены к телу кое-как, а то, что внутри, только и делает, что молится в ожидании встречи с вечностью.

Корабельные часы продолжали тикать. Пора ложиться на новый галс противолодочного зигзага. Он внимательно взглянул на секундную стрелку.

– Право руля, пятнадцать градусов!

Шедший впереди слева «Вильдебист» тоже менял курс. За кормой в сером утреннем свете бурлила вода, потревоженная поворотом руля. Палуба под ногами накренилась, и «Вильдебист» словно дал задний ход, становясь почти параллельно нос к носу.

– Прямо руль!

«Вильдебист» по левому борту еще не закончил маневр. Стальная палуба под ногами передавала малейшие колебания неповоротливой серо-зеленой пучины, позволяя точно предсказать степень крена, но сама вода была не столь предсказуема. На последних градусах разворота судна огромный вал прокатился возле носа и ушел под корпус. Корма осела,

соскальзывая с крутой волны, и эсминец сошел с курса на десять градусов.

– Так держать!

Проклятый флот, проклятая война! Он сонно зевнул, наблюдая, как снова бурлит вода под кормой «Вильдебиста», который возвращался на курс.

Обжигающее пламя опять вспыхнуло где-то там, на дальней оконечности расщелины, игла вонзилась в мозг – вокруг снова было лишь измученное тело. Огонь медленно угасал, следуя неизменному ритму.

Корабли охранения поворачивали. В перерывах между приказами он вслушивался в дрожащий писк противолодочного гидролокатора. Караван торговых судов пыхтел всюду на шести узлах, а эсминцы, словно почетный эскорт, расчищали путь впереди, орудуя невидимыми метлами, и время от времени делали зигзаги, поворачивая одновременно в едином строю.

С трапа слышались шаги, и он принялся деловито брать пеленг – это мог быть капитан. С показной тщательностью проверил положение «Вильдебиста», но никто так и не заговорил. Мельком обернулся и увидел старшину Робертса, который тут же отдал честь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.